

Трушнович А.Р.

ВОСПОМИНАНИЯ КОРНИЛОВЦА (1914-1934)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 К стр. 11. Политика австрийского правительства и германского канцлера Бисмарка по отношению к славянам вызывала негодование русской общественности. В 1867 г. в брошюре “Братьям-славянам” было опубликовано стихотворение Ф.И. Тютчева “Славянам” (первоначальное название “Австрийским славянам”), в котором поэт выступает как защитник интересов братьев-славян. Стихотворение было прочитано 21 мая 1867 г. на банкете, данном московской общественностью в честь прибывших на Этнографическую выставку славянских гостей.

Они кричат, они грозятся:
“Вот к стенке мы славян прижмем!”
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..

Эпиграф к этому стихотворению “Славян должно прижать к стене!” взят из выступления австрийского министра иностранных дел фон Бейста, проводившего политику подавления славянских народностей в Австро-Венгрии.

2 К стр. 18. Сибирские стрелки пели “С нами Бог, разумеете языци и покоряйтесь, яко с нами Бог!” — возглас из Великого повечерия, на основе глав 8 и 9 книги пророка Исаяи.

3 К стр. 53. Лазарет Красного Креста в Екатеринославе (Днепропетровск) был построен и содержался немцами-меннонитами, по религиозному убеждению отказывавшимися брать в руки оружие. На родине их за это преследовали, они бежали в другие страны. Екатерина II обещала не брать их в армию, если они будут приносить пользу там, где не требуется оружие. Краснокрестовские сестры, в том числе будущая жена автора, Зинаида Никаноровна Казакевич и ее сестра Елизавета, проходили у них трехлетнее обучение.

4 К стр. 53. В апреле 1979 года в редакцию “Посева” пришло письмо, подписанное инициалами “В.П.”:

“Было это после взятия Курска (сентябрь 1919 г.). Я временно командовал незадолго до того сформированной 2-й запасной Марковской батареей и был прикомандирован к 1-му батальону 2-го Корниловского полка. (...) Командиром батальона был капитан Франц. Он был маленького роста, почти тщедушный. Правую руку носил на перевязи, был также ранен и в левую руку, ходить он мог только опираясь на палку. (...) Говорил капитан Франц очень кратко, может быть, потому, что не совсем свободно владел русским языком, но всегда мысли и

приказания выражал очень точно. Бросалось в глаза, с каким уважением относились к нему офицеры его батальона. Солдаты же были готовы идти за ним куда угодно — одного знака рукой было достаточно. (...) Выведя роту, он положил ее, но сам остался стоять, хотя пули и посвистывали. Увидя, что чужая цепь не двигается, капитан Франц поднял свою и быстро повел вперед, после чего красные начали уходить, а капитан Франц, сам не зная, что такое страх, со смехом сказал: “Самое главное — напугать”. (...) Очень бережа солдат, он часто клал цепи, но сам всегда оставался стоять. Более того, он часто проходил один вперед, чтобы не отстать от солдат, так как из-за ранения ноги ходить быстро не мог. (...) Дойдя до штыковой схватки, вешал палку на подвязанную руку и брал левой рукой револьвер. (...) Смелость капитана Франца была так проста и так естественна, что проявление ее не отличалось от самых обыкновенных его поступков. (...) Так сохранилось воспоминание об Игнатии Франце, хорвате, пришедшем на помощь России, офицере Корниловского полка, с которым он сроднился так, что составлял с ним одно неделимое целое”. К сожалению, фамилию автора письма редакции установить не удалось.

6. К стр. 67. В Русской армии были сформированы добровольные женские батальоны.

“Наконец и Офицерский полк пошел к мосту, прикрываемый заставой. Над ним свистели пули. В темноте, на том берегу, у моста движение. “Девочки! Тащите сюда пулемет!” — слышен женский голос.

Проходившая рота засмеялась, но коротким смехом, будто поняв особенность и серьезность услышанного приказа. У моста становилась на позицию, чтобы прикрыть отход армии, маленькая женская боевая часть — всего 15-20 человек с пулеметом. Ее состав — ударницы женских батальонов, иные в чине прапорщика, иные с Георгиевскими крестами”.

(“Марковцы в боях и походах за Россию”. Часть 1)

7 К стр. 78. На мотив марша сибирских стрелков: “Из тайги, тайги дремучей, от Амура, от реки, молчаливой грозной тучей шли на бой сибиряки”. При советской власти на тот же мотив исполнялась песня “По долинам и по взгорьям”.

8 К стр. 85. “Я услышал музыку. Было как будто недалеко, но ничего не было видно за скатом. Наконец на скате появилась цепь корниловцев. (...) Впервые я видел этот знаменитый полк в бою. Полк разворачивался к атаке, не изменяя шага и отбивая ногу как на параде, ни криков, ни беготни, ни одной заминки. Я смотрел на полк, разинув рот, до того удивительно, картинно, захватывающе и даже страшно было это зрелище. Большевики встретили

полк ураганным огнем, а корниловцы и не дрогнули: как шли, так и идут, даже шагу не прибавили, и казалось, что они чрезвычайно быстро приближались к окопам большевиков. Вдруг пальба большевиков прекратилась. Густыми цепями они поднялись и побежали изо всех сил к станице. В ту же минуту грянуло корниловское “Ура!”.

(“Марковцы в боях и походах за Россию”. Часть 1)